

Привязанность к домашним питомцам и любовь к людям — есть ли связь?

Нартова-Бочавер С.К.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8061-4154>, e-mail: snartovabochaver@hse.ru

Ларионов П.

Университет Казимира Великого, г. Быдгощ, Польша
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4911-3984>, e-mail: pavel@ukw.edu.pl

Щерба Е.К.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9731-9664>, e-mail: ekscherba@edu.hse.ru

Цель. Изучение связи между привязанностью к домашним питомцам и просоциальными качествами личности — экологической идентичностью, моральными мотивами и экологическим стилем жизни.

Контекст и актуальность. Привязанность к домашним питомцам исследуется в контексте терапии с использованием животных и защиты прав животных, однако вопрос о возможном вкладе этого феномена в развитие гуманного отношения к людям до сих пор остается открытым. Можно ли ожидать, что привязанность к питомцу обладает гуманизирующим воздействием или она сохраняет свою специфичность, не будучи связанной с просоциальными установками владельца животного — этот исследовательский вопрос отражает основную проблему исследования.

Дизайн исследования. Исследование проводилось по корреляционному плану; данные собирались онлайн при помощи сервиса 1ka.si.

Участники. Выборка исследования состояла из 284 респондентов (224 женщины, 60 мужчин, возраст от 18 до 76 лет, $M_{\text{возраст}} = 25,4$, $SD_{\text{возраст}} = 9,7$, преимущественно владельцы кошек и собак, преимущественно граждане России).

Методы (инструменты). Использовались стандартизированные опросники — подготовленная в ходе настоящего исследования русскоязычная модифицированная версия Лексингтонской шкалы привязанности к питомцам, Модель моральных мотивов, Шкала экологической идентичности и опросник Экологический стиль жизни.

Результаты. Обнаружено, что разные характеристики привязанности к питомцу действительно связаны с экологической идентичностью, моральными мотивами (за исключением самоограничения) и социальным экоактивизмом. Показано также, что два качества привязанности к питомцам (права питомцев и переживание счастья от общения с питомцем) в разных сочетаниях предсказывают мотивы непричинения вреда, помощи, социальной справедливости и социальный экоактивизм.

Основные выводы. Привязанность к питомцам действительно связана с просоциальными качествами личности, преимущественно отражающими активную жизненную позицию владельца питомца; нет связи с феноменами самоограничения.

Ключевые слова: моральные мотивы; привязанность к питомцам; психология среды; экологическая идентичность; экологический стиль жизни.

Финансирование. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Для цитаты: Нартова-Бочавер С.К., Ларюнов П., Шерба Е.К. Привязанность к домашним питомцам и любовь к людям — есть ли связь? // Социальная психология и общество. 2024. Том 15. № 1. С. 156—170. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150110>

Attachment to Pets and Love for People — is There a Connection?

Sofya K. Nartova-Bochaver

HSE University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8061-4154>, e-mail: snartovabochaver@hse.ru

Paweł Larionow

Kazimierz Wielki University, Bydgoszcz, Poland

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4911-3984>, e-mail: pavel@ukw.edu.pl

Ekaterina K. Scherba

HSE University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9731-9664>, e-mail: ekscherba@edu.hse.ru

Objective. *The study is aimed at investigating the relationship between attachment to pets and pro-social personality characteristics — environmental identity, moral motives, and ecological lifestyle.*

Background. *Attachment to pets is being investigated in the context animal-assisted therapy animal rights protection but the question of the possible contribution of this phenomenon to the development of humane treatment of people is still open. Is it possible to expect that attachment to a pet has a humanizing effect or does retain its specificity without being related to the pet owners' pro-social attitudes — this research question reflects the main problem of the study.*

Study design. *The study has correlational design; data was collected online using the 1ka.si service.*

Participants. *The study sample consisted of 284 respondents (224 women, 60 men, aged 18—76, $M_{age} = 25,4$, $SD_{age} = 9,7$, mostly owners of cats and dogs, mostly Russian citizens).*

Measurements. *Validated Russian versions of the questionnaires were used, i.e., the Lexington attachment to pets scale (modified 8-item version prepared in this study), the 30-item Moral motives scale, the 14-item Environmental identity scale, and the 7-item Ecological lifestyle scale.*

Results. *It has been found that different aspects of attachment to a pet are indeed associated with environmental identity, moral motives (with the exception of self-restraint), and social eco-activism. It is also shown that two aspects of attachment to pets (pet rights and the experience of happiness from communicating with a pet) in different combinations predict the motives of not-harming, helping, social justice, and social eco-activism.*

Conclusions. *Attachment to pets is positively related to the pro-social attitudes of the pet owners, mostly those reflected an active pet owners' position, but is not connected with the self-restraint qualities.*

Keywords: *moral motives; pet attachment; environmental psychology; environmental identity; ecological lifestyle.*

Funding. This article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

For citation: Nartova-Bochaver S.K., Larionow P., Scherba E.K. Attachment to Pet and Love for People – is There a Connection? *Sotsial'naya psikhologiya I obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2024. Vol. 15, no. 1, pp. 156–170. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150110> (In Russ.).

Введение

Исследование посвящено связи привязанности к домашним питомцам (pet attachment) с просоциальными качествами личности — моральными мотивами и экологическим стилем жизни. Привязанность к питомцам представляет собой популярный предмет академических и прикладных исследований в мировой психологии, и тому есть много причин. Во-первых, это распространение терапии при помощи животных (animal-assisted therapy), доказавшей свою высокую эффективность в решении психологических проблем широкого спектра — от лечения аутизма и коррекции ментальных нарушений до совладания с одиночеством и стрессами. Очевидно, что без привязанности к животным эта терапия, особенно ее ненаправленные формы, не может реализоваться. Во-вторых, во всем мире усиливаются движения за права животных, что также предполагает наличие к ним положительного отношения [10; 11; 19].

В психологии среды различают несколько категорий животных в зависимости от их ответоспособности, близости человеку и той функции, которую они играют в человеческой жизни: это животные, которые используются для пищи, и компаньоны, среди которых также различают более (high-sentience) и менее (low-sentience) эмоционально отзывчивых (например, собак и рептилий) [25]. Привязанность изучается только в контексте взаимодействия с компаньонами (домашними питомцами). Наиболее благоприятно на состояние и функционирование человека влияет взаимодействие с эмоционально отзывчивыми компаньонами, однако общение с рыбами, птицами и экзотическими животными также может быть весьма полезным. Большое количество данных свидетельствует о том, что разные формы взаимодействия с животными, от наблюдения за их действиями или созерцания их изображений до ухода за ними, совместных прогулок и путешествий, способствуют укреплению психологического благополучия: улучшению настроения, повышению удовлетворенности жизнью и социального благополучия, понижению уровня воспринимаемого стресса и т.д. [10; 19; 29].

Позитивные эффекты привязанности к животным для психологического благополучия достоверно доказаны, однако исследования этого феномена, возможно, в силу актуальности «зеленой» повестки страдают некоторой ограниченностью. Заводя домашнего питомца, человек не изолируется от общества и потому продолжает согласовывать свое поведение с другими людьми. В связи с этим возникает вопрос: как привязанность к животным связана с социально позитивными феноменами? Можно ли ожидать, что она обладает генерализованным эффектом, или эффектом «перетекания» (spillover), вовлекая в свою сферу не только «братьев меньших», но также и людей? Иначе говоря, привязанность человека к своему питомцу избирательна и специфична или предполагает позитивное отношение также и к себе подобным? Таким образом, основная проблема исследования состоит в возможности/невозможности переноса позитивного отношения к животным (привязанности) на позитивное отношение к людям (просоциальные установки). В случае обнаружения пере-

носа экологическое воспитание получило бы дополнительное теоретическое обоснование.

Биохимической основой любой привязанности является высокий уровень окситоцина, и потому можно ожидать, что человек, у которого его много, будет с большей вероятностью испытывать межвидовую эмпатию, и любовь к питомцу действительно представляет собой лишь частный вариант проявления любви к живому вообще, биофилии в широком смысле слова [18]. Исследования показывают, что дети, имеющие опыт дружбы с животными, обладают более низким уровнем агрессивности, склонны к сопереживанию и гуманно обходятся с животными, умеют регулировать свои эмоциональные состояния, эмпатичны и просоциальны (эти эффекты модулируются видом животного). Сложившаяся в детстве привычка заботиться о питомце делает человека также более чутким к окружающим [6; 12; 13; 16].

Тем не менее существуют данные о «темных» сторонах привязанности к животным, например, патологическом накопительстве животных (pathological pet hoarding), которое нередко возникает у людей с деменцией, иногда рассматривается как форма насилия и, помимо распространения зоогенных и паразитарных заболеваний, содержит риски возникновения пожаров в силу антисанитарии, скученности, пренебрежения потребностями самих животных и родственников и даже жестокого обращения с животными [4; 25]. М.Б. Беверлэнд (M.B. Beverland) и др. [5] отмечают, что мотивация приобретения животного вариативна: их могут заводить не только как друзей, но и в качестве развлечения, следуя моде или для повышения социального статуса, и тогда общение с животным менее благотворно для обо-

их участников. Наблюдения свидетельствуют, что есть владельцы домашних питомцев, убежденные в более высокой ценности животных по сравнению с людьми в силу их верности, неспособности лукавить и даже приписываемых им моральных черт, как это отмечал Г. Гессе: «Животные более настоящие, чем люди. Они не хотят тебе льстить, не хотят производить на тебя какое-то впечатление. Ничего показного. Какие они есть, такие и есть, как камни и цветы или как звезды на небе» [1, с. 100].

В качестве характеристик, гармонизирующих отношение к животным и людям, можно отметить баланс эмпатии к людям (human-empathy) и животным (animal-empathy), преобладание эгоцентризма над антропоцентризмом или наличие личностных качеств, которые бы реализовывали гуманистическую этику благоговения перед жизнью А. Швейцера [3], глубинную экологию А. Нэсса (A. Naess) [21], биофилию Э. Уилсона (E. Wilson) [17] и субъективизацию природы С.Д. Дерябо [2]. Исследователи отмечают необходимость присутствия в структуре личности интегративных качеств, которые бы делали гуманное отношение к живому универсальным, без разделения живого на более или менее ценные виды и особи. Так, М. Лири (M. Leary) предложил концепцию аллоинклюзивной идентичности, которая понимается им как способность устанавливать связь с социальным и биологическим миром, удерживая человека от эгоцентризма и обеспечивая диалог с миром [20]. Позже им же была предложена концепция веры в единство мира (openess), которая также акцентировала связанность человека с миром, Вселенной, другими живыми существами [9]. Еще ближе к предмету нашего исследования концепция моральной экспансив-

ности (moral expansiveness) Д. Кримстона (D. Crimston), согласно которой люди различаются своей способностью включать в зону моральной ответственности и заботы большее или меньшее количество живых существ (людей и представителей других видов) [24]. У кого-то моральное отношение распространяется только на близких людей, у кого-то — также и на природные объекты (в этом случае, в терминологии Д. Кримстона, говорят о выраженной моральной экспансивности), у кого-то отсутствует вообще. Все эти концепции в качестве общего фактора, задающего универсализм гуманного отношения и к людям, и к природным объектам, рассматривают качества личности, отражающие переживание и понимание человеком своей связанности с природой.

На наш взгляд, зонтичным понятием для разнородных характеристик, демонстрирующих связь с природой, является экологическая идентичность (environmental identity) [7]. Экологическая идентичность — это отношение к себе как части природы, переживание взаимосвязанности с ней и зависимости от нее. Выраженная экологическая идентичность проявляется в заботе человека о других людях и неантропоморфных существах, а также в ответственности перед будущими поколениями и планетой. Люди с экологической идентичностью имеют более яркие просоциальные установки, включая политические взгляды, участие в сохраняющих окружающую среду активностях и заботу о растениях [8; 23; 28]. Можно ожидать, что именно экологическая идентичность связывает любовь к домашнему питомцу с другими просоциальными качествами личности — моральными мотивами и экологическими установками как формой гуманного отношения к современникам

и будущим поколениям. В настоящем исследовании мы будем рассматривать это качество как условно зависимую переменную (эффект).

Привязанность к питомцам — это положительное отношение к животным, побуждающее заботиться о них, общаться с ними и скучать в их отсутствие. Домашний питомец обладает высокой ценностью для хозяина, это не «просто животное», лишенное индивидуальности, а субъект, включенный в систему его жизнедеятельности [10]. Согласно Т.П. Джонсону (T.P. Johnson) и др. [15], привязанность к животным представляет собой многомерный феномен, включающий эмоциональную привязанность, стремление защищать права животных и даже готовность заменить ими общение с людьми. Привязанность к животным рассматривается как условно независимая переменная (предиктор) в нашем исследовании.

Моральные мотивы представляют собой вторую условно зависимую переменную (эффект). В Модели моральных мотивов Р. Янофф-Бульман (R. Janoff-Bulman), на которой базируется настоящее исследование, различаются прескриптивная (предписывающая) и проскриптивная (запрещающая) мораль [14]. Обе формы направлены на поддержание гуманных отношений между людьми, однако психологические механизмы неодинаковы: это или стимуляция добродетельного поведения (прескриптивная), или воздержание от дурных действий (проскриптивная). Моральные мотивы регулируют актуальные отношения с реальными людьми или группами людей.

Третьей условно зависимой переменной (эффектом) является экологический стиль жизни — поведение, направленное на поддержание здоровой окружающей среды и предотвращение ее ухудшения в

будущем [27]. В этом случае адресат поведения — это не только близкие люди, но и дистанцированные, причем даже во времени. Экологический стиль жизни — это просоциальная инвестиция в жизнь будущих поколений на земле.

Цель исследования заключалась в поиске ответа на исследовательский вопрос: есть ли связь между привязанностью к питомцам, экологической идентичностью и просоциальными качествами личности (моральными мотивами и экологическим стилем жизни)?

Метод

Исследование осуществлялось по корреляционному плану. Данные были собраны онлайн посредством сервиса 1ka.si в течение 2020–2021 годов; участие было полностью добровольным, все респонденты подписали согласие на анонимную обработку данных и их использование в публикациях. Выборка исследования включала 284 респондента (224 женщины, 60 мужчин, возраст от 18 до 76 лет, $M_{\text{возраст}} = 25,4$, $SD_{\text{возраст}} = 9,7$, преимущественно граждане России). 136 респондентов в качестве питомца указали кошку, 96 — собаку, 19 — рептилию (ящерицу, змею и т.п.), 10 — хомяка, 10 — моллюсков, 8 — попугая, 4 — аквариумную рыбку, 1 — лягушку.

Для измерения условно независимых переменных (предикторов) использовалась российская версия *Лексингтонской шкалы привязанности к питомцам*, *ЛШПП-К (Lexington attachment to pets scale, LAPS)*, включающей четыре субшкалы и восемь утверждений [15]. Для измерения условно зависимых переменных (эффектов) применялись российские адаптации однофакторной *Шкалы экологической идентичности (Environmental identity scale, EID)*, включающей 14 утверждений [7], *Модели мо-*

ральных мотивов (Model of moral motives scale, MMM), включающей 30 утверждений и шесть субшкал, измеряющих проскриптивную и прескриптивную мораль (соответственно, мотивы *Непричинения вреда, Самоограничения и Социального порядка* и мотивы *Усердия, Социальной справедливости и Помощи*) [14; 22], а также опросник *Экологический стиль жизни*, включающий семь утверждений и две субшкалы (*Проэкологическое самоограничение* и *Социальный экоактивизм*) [27]. Все переменные оценивались по шкалам Ликерта разной размерности.

Статистический анализ проводился с использованием программы Statistica 13.3 и статистического пакета lavaan 0.6-13 в среде R 4.2.2.

Результаты

Для реализации цели исследования было необходимо подготовить русскоязычную версию основного исследовательского инструмента, *ЛШПП*, в оригинальном варианте включающего 23 пункта и три фактора. Было получено разрешение на перевод и адаптацию методики от ее автора профессора Т. Джонсона (Т. Johnson). Перевод осуществлялся в соответствии с международными требованиями (ISPOR) [30].

Конфирматорный факторный анализ с применением эстиматора MLM показал, что оригинальная 3-факторная модель *ЛШПП* характеризовалась недостаточно хорошими показателями соответствия данным ($\chi^2/df = 611,10/227$; CFI = 0,835; RMSEA = 0,084 [90%CI: 0,076; 0,092]; SRMR = 0,065), как и в ранее проведенных исследованиях [26; 31], где также не удалось подтвердить оригинальную факторную структуру опросника. С помощью эксплораторного факторного анализа было найдено оптимальное 4-факторное решение, полученное путем изучения

факторной структуры при удалении пунктов с низкими или кросс-факторными нагрузками. Данное решение (восемь утверждений, по два на каждый из четырех коррелирующих факторов) хорошо согласовалось с содержанием утверждений и соответствующих им субшкал. Идентифицированным факторам (субшкалам) были даны полные и краткие названия: *Близость с питомцем (Близость)*, *Права питомцев (Права)*, *Эмпатия со стороны питомца (Эмпатия)*, а также *Источник счастья (Счастье)*.

Конфирматорный факторный анализ показал отличные показатели соответствия данным для 4-факторного решения ($\chi^2/df = 13,76/14$; CFI = 1,000; RMSEA = 0,000 [90%CI: 0,000; 0,065]; SRMR = 0,027). Корреляции между факторами были высокими: от 0,498 до

0,658 (все $p < 0,001$). Кроме того, были проанализированы показатели соответствия для 4-факторной модели (четыре субшкалы) с фактором второго порядка (общий балл, отражающий общую связанность), которые оказались несколько лучше ($\chi^2/df = 14,79/16$; CFI = 1,000; RMSEA = 0,000 [90%CI: 0,000; 0,058]; SRMR = 0,028), чем у 4-факторного решения без фактора второго порядка. Стандартизированные факторные нагрузки для данных решений были высокими (табл. 1). Мы выбрали 4-факторную модель с фактором второго порядка как наиболее оптимальное факторное решение, которое стало основой для краткой версии опросника *ЛШПП-К (LAPS-Short Form, LAPS-S)*. Бланк опросника *ЛШПП-К* и инструкция для расчета результатов представлены в Приложении.

Таблица 1

Описательная статистика утверждений ЛШПП-К и стандартизированные факторные нагрузки (N = 284)

Переменные	M	SD	Асимметрия	Экссесс	Стандартизированные факторные нагрузки (все $p < 0,001$)	
					4-факторное решение	4-факторное решение с фактором второго порядка
Утверждения <i>ЛШПП-К</i>						
1. Мой питомец значит для меня больше, чем некоторые из моих друзей	1,81	1,05	-0,38	-1,07	0,668	0,673
2. Я считаю, что домашние животные должны иметь те же права и привилегии, что и члены семьи	1,78	0,98	-0,26	-0,98	0,653	0,660
3. Мой питомец знает, когда мне плохо	1,60	1,08	-0,16	-1,25	0,836	0,836
4. Мой питомец делает меня счастливым(ой)	2,45	0,78	-1,35	1,15	0,748	0,750
5. Я считаю, что мой питомец — мой лучший друг	1,69	1,12	-0,22	-1,33	0,839	0,833

Переменные	M	SD	Асимметрия	Экссесс	Стандартизированные факторные нагрузки (все $p < 0,001$)	
6. Домашние животные заслуживают того же уважения, что и люди	2,43	0,83	-1,42	1,29	0,689	0,681
7. Мой питомец понимает меня	1,70	1,06	-0,34	-1,08	0,871	0,870
8. Тот факт, что у меня есть питомец, добавляет мне счастья	2,36	0,83	-1,06	0,13	0,788	0,786
Субшкалы ЛШПП-К						Стандартизированные факторные нагрузки субшкал на фактор второго порядка (все $p < 0,001$)
<i>Близость</i>	3,49	1,92	-0,31	-1,05	—	
<i>Права</i>	4,21	1,54	-0,77	0,00	—	
<i>Эмпатия</i>	3,30	1,99	-0,31	-1,09	—	
<i>Счастье</i>	4,82	1,44	-1,29	1,36	—	

Примечание. M – среднее значение; SD – стандартное отклонение.

Параметры описательной статистики для анализируемых переменных представлены в табл. 2. Все переменные имели распределение, близкое к нормальному (коэффициенты асимметрии от -1,29 до 0,79; коэффициенты эксцесса от -1,09

до 2,08). Надежность (альфа Кронбаха, α) была удовлетворительной для субшкалы *Права питомцев* ($\alpha = 0,62$) и хорошей для всех остальных субшкал (α от 0,72 до 0,84) и общего балла ЛШПП-К ($\alpha = 0,83$).

Таблица 2
Описательная статистика анализируемых переменных (N = 284)

Переменные	Альфа Кронбаха	M	SD	Асимметрия	Экссесс
<i>Близость</i>	0,72	3,49	1,92	-0,31	-1,05
<i>Права</i>	0,62	4,21	1,54	-0,77	0,00
<i>Эмпатия</i>	0,84	3,30	1,99	-0,31	-1,09
<i>Счастье</i>	0,74	4,82	1,44	-1,29	1,36
ЛШПП-К общий балл (общая привязанность)	0,83	15,81	5,25	-0,48	-0,30
<i>Экологическая идентичность</i>	0,93	71,56	17,65	-0,81	0,42
<i>Самоограничение</i>	0,76	21,34	5,94	-0,19	0,02

Переменные	Альфа Кронбаха	<i>M</i>	<i>SD</i>	Асимметрия	Экцесс
<i>Усердие</i>	0,69	27,36	4,51	-0,77	2,08
<i>Помощь</i>	0,71	24,58	5,21	-0,59	1,09
<i>Непричинение вреда</i>	0,67	24,32	5,68	-0,74	0,67
<i>Социальный порядок</i>	0,69	18,69	5,57	0,14	0,18
<i>Социальная справедливость</i>	0,66	20,44	5,93	-0,12	-0,01
<i>Проэкологическое самоограничение</i>	0,63	11,54	3,95	-0,09	-0,77
<i>Социальный экоактивизм</i>	0,79	6,42	3,14	0,79	-0,30

Примечание. *M* – среднее значение; *SD* – стандартное отклонение.

Взаимосвязь между исследуемыми переменными представлена в табл. 3.

С целью определения характеристик привязанности к животным, способных предсказать уровень экологической идентичности, моральных мотивов и экологического стиля, было проведено несколько серий множественного регрессионного анализа методом форсированного ввода предикторов (табл. 4). Большинство моделей не были статистически значимы. Четыре модели предикции мотивов *Помощи*, *Непричинения вреда*, *Социальной справедливости*, а также *Социального*

экоактивизма оказались значимы и включали в себя статистически значимые предикторы. Среди характеристик привязанности к животным только *Права* и *Счастье* были положительными предикторами мотивов *Помощи* ($R^2 = 12,75\%$) и *Непричинения вреда* ($R^2 = 15,24\%$). Кроме того, *Права питомцев* были единственным статистически значимым положительным предиктором *Социального экоактивизма* ($R^2 = 6,56\%$), а *Счастье* – единственным статистически значимым положительным предиктором мотива *Социальной справедливости* ($R^2 = 5,29\%$).

Таблица 3
Взаимосвязь анализируемых переменных (*r* Пирсона) ($N = 284$)

Переменные	Экологическая идентичность	Самоограничение	Усердие	Помощь	Непричинение вреда	Социальный порядок	Социальная справедливость	Проэкологическое самоограничение	Социальный экоактивизм
<i>Близость</i>	0,10	0,06	0,14*	0,24***	0,21***	0,14*	0,12*	0,02	0,18**
<i>Права</i>	0,11	0,11	0,12*	0,29***	0,30***	0,05	0,18**	0,08	0,24***
<i>Эмпатия</i>	0,11	0,05	0,13*	0,24***	0,23***	0,13*	0,11	0,01	0,11
<i>Счастье</i>	0,17**	0,15*	0,18**	0,29***	0,34***	0,15**	0,20***	0,08	0,16**
<i>ЛШПП-К общий балл (общая привязанность)</i>	0,16**	0,11	0,19**	0,35***	0,35***	0,15**	0,19***	0,06	0,22***

Примечание. * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$.

Таблица 4

**Регрессионные модели предикции природной идентичности,
моральных мотивов и экологического стиля жизни на основе привязанности
к животным ($N = 284$)**

Предикторы (субшкалы <i>ЛШПП-К</i>)	Зависимые переменные (эффекты)								
	Экологическая идентичность	Самоограничение	Усердие	Помощь	Непричинение вреда	Социальный порядок	Социальная справедливость	Проэкологическое самоограничение	Социальный экоактивизм
	Бета-коэффициенты								
<i>Близость</i>	-0,01	-0,03	0,05	0,05	-0,03	0,08	-0,01	-0,03	0,07
<i>Права</i>	0,04	0,07	0,04	0,17*	0,19**	-0,06	0,12	0,07	0,19**
<i>Эмпатия</i>	0,04	-0,03	0,04	0,09	0,07	0,06	0,00	-0,04	-0,02
<i>Счастье</i>	0,14	0,15*	0,12	0,15*	0,25***	0,11	0,16*	0,09	0,05
Параметры мо- делей	$F_{(4,279)} = 2,34, p > 0,05$	$F_{(4,279)} = 1,99, p > 0,05$	$F_{(4,279)} = 2,78, p = 0,027$	$F_{(4,279)} = 10,19, p < 0,001$	$F_{(4,279)} = 12,54, p < 0,001$	$F_{(4,279)} = 2,39, p > 0,05$	$F_{(4,279)} = 3,90, p = 0,004$	$F_{(4,279)} = 0,87, p > 0,05$	$F_{(4,279)} = 4,90, p < 0,001$
Объясненная дис- персия (коэффи- циент детермина- ции R^2)	3,25%	2,78%	3,83%	12,75%	15,24%	3,31%	5,29%	1,23%	6,56%

Примечание. * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$.

Обсуждение результатов

Проведенное исследование открыло следующие факты. Прежде всего было обнаружено, что главный исследовательский метод, *ЛШПП*, не сохранил свою исходную структуру в ходе адаптации к российской культуре, однако проведенная работа привела к созданию модифицированной сокращенной версии *ЛШПП-К*, хорошо работающей на исследуемой выборке. Исходная версия включала 23 утверждения и три субшкалы – *Общую привязанность*, *Замещение*

людей и *Права питомцев* [15]. Интерпретация восьми утверждений, входящих в четыре субшкалы, выделенные в ходе создания модифицированной версии (*Близость с питомцем*, *Права питомцев*, *Эмпатия со стороны питомца*, *Источник счастья*), более однозначна и лучше отражает содержание феномена привязанности к животным, который мог претерпеть за последние десятилетия изменения.

Далее было обнаружено, что исследуемые переменные действительно поло-

жительно взаимосвязаны друг с другом. Так, общий показатель привязанности оказался связан с *Экологической идентичностью*, *Социальным экоактивизмом* и всеми моральными мотивами, кроме *Самоограничения*, который, судя по прежним исследованиям, плохо работает на российской молодежной выборке [22]. Среди аспектов привязанности к питомцам наибольшее количество связей с моральными мотивами образовали *Счастье*, *Близость* и несколько меньше — *Права* и *Эмпатия*. Самые сильные связи образованы с мотивами *Помощи* и *Непричинения вреда*. Обращает на себя внимание почти полное отсутствие связей мотива *Самоограничения* (коррелирует только с показателем *Счастья*) и полное отсутствие связей *Экологического самоограничения*. Это означает, что люди, привязанные к своим домашним питомцам, испытывают затруднения в том, чтобы контролировать свои потребности и желания, если это касается социального пространства взаимодействия и экологической ответственности. Таким образом, паттерн морали владельцев питомцев дифференцирован, но специфичен и содержит в основном активные формы проявления, что даже может производить впечатление некоторой невязчивости.

Неожиданным оказалось почти полное отсутствие связей разных аспектов привязанности к питомцам с *Экологической идентичностью*, свидетельствуя, что любовь к животным все же остается довольно специфичным феноменом, и по умолчанию ее перенос на другие формы жизни не происходит. Это еще более удивительно в контексте ранее полученных данных о связи *Экологической идентичности* с привязанностью к миру растений [23]. Возможно, неожиданность результата

вызвана тем, что ранее использовалась другая версия шкалы *Экологической идентичности*.

Следующий шаг анализа состоял в построении регрессионных моделей для уточнения вклада аспектов привязанности к питомцам в изучаемые просоциальные переменные. Самые сильные модели были получены для мотивов *Непричинения вреда* и *Помощи*: если владелец питомца чувствует счастье от общения с любимым животным и готов предоставить ему некоторые социальные права, это повышает вероятность, во-первых, сдержанного и бережного отношения к людям, способности контролировать свою агрессию и, во-вторых, готовности оказывать людям активную помощь. Еще две модели были получены для *Социального экоактивизма* и мотива *Социальной справедливости*, но в этих моделях идентифицировано лишь по одному предиктору, причем из уже проанализированного набора. Так, поддержание *Социальной справедливости* более выражено у людей, испытывающих *Счастье* в общении с питомцем, а те, кто склонен предоставлять питомцам социальные *Права*, с большей вероятностью проявляют *Социальный экоактивизм*, направленный на сохранение окружающей среды.

Анализируя качество эффектов рассмотренных регрессионных моделей, необходимо отметить, что три зависимые переменные (*Помощь*, *Социальная справедливость* и *Социальный экоактивизм*) отражают активную, субъектную жизненную позицию. Эти качества подразумевают вовлеченность в решение проблем других людей и социальные мероприятия по сохранению окружающей среды. Таким образом, владельцы домашних животных — это не пассив-

ные люди, использующие любимых питомцев для собственной терапии; это готовые к действиям социально ответственные субъекты. Вполне возможно, что активная жизненная позиция явилась результатом рутинных действий, связанных с регулярным уходом за домашним питомцем. Однако самая сильная модель все же была получена для проскриптивного мотива *Непричинения вреда*. Таким образом, гуманное отношение владельцев домашних питомцев к другим людям в первую очередь подразумевает контроль над собственной агрессией и лишь затем — активную вовлеченность.

Почему остальные моральные мотивы никак не проявились в регрессионных моделях? На наш взгляд, это может свидетельствовать об обратной направленности полученных связей: исходя из содержания и природы исследованных переменных, вполне можно ожидать, что, например, усердные и склонные поддерживать социальный порядок люди с большей вероятностью обладают выраженной экологической идентичностью и склонны заводить домашних питомцев. Проверка этого предположения, однако, требует отдельного исследования.

Заключение

Итак, проведенное эмпирическое исследование показало, что, как и ожидалось, привязанность к домашним питомцам действительно имеет двусторонние связи с просоциальными качествами личности — *Экологической идентичностью*, моральными мотивами и *Экологическим стилем жизни*, хотя эти связи имеют частный характер и

должны интерпретироваться с осторожностью. Более того, привязанность к питомцу вносит вклад в проявление моральных мотивов *Непричинения вреда*, *Помощи* и *Социальной справедливости*, а также в *Социальный экоактивизм*. Можно предположить (хотя в отсутствие лонгитюдных или биографических исследований эти гипотезы несут скорее спекулятивный характер), что имеющие домашнее животное люди обладают большей социальной ответственностью и гуманным отношением к другим людям, по сравнению с теми, кто питомцев не заводит. С точки зрения биохимической детерминации социального поведения эти связи легко интерпретируемы [18].

Дополнительным результатом нашего исследования явилась модифицированная версия *Лексингтонской шкалы привязанности к питомцам*, которая показала хорошие психометрические свойства и может быть рекомендована к применению в исследованиях. Таким образом, мы достигли поставленной цели и получили ответ на исследовательский вопрос.

Перспективы исследования заданы ограничениями текущего проекта. Так, было бы полезно расширить выборку, сбалансировав ее по полу, что дало бы возможность включить в анализ фактор пола. Видится полезным осуществление дополнительного анализа с учетом вида домашнего питомца. Однако даже с учетом несовершенства проведенной работы представляется, что результаты могут оказать стимулирующее воздействие на программы экологического образования и социальные практики.

Краткая форма Лексингтонской шкалы привязанности к питомцам

Инструкция. Внимательно прочтите утверждения о Вашем любимом домашнем питомце и отметьте, в какой мере Вы согласны или не согласны с ними.

№	Шкала	Утверждения	Совершенно не согласен(на)	Скорее не согласен(на)	Частично согласен(на)	Полностью согласен(на)
1	<i>Близость</i>	Мой питомец значит для меня больше, чем некоторые из моих друзей	0	1	2	3
2	<i>Права</i>	Я считаю, что домашние животные должны иметь те же права и привилегии, что и члены семьи	0	1	2	3
3	<i>Эмпатия</i>	Мой питомец знает, когда мне плохо	0	1	2	3
4	<i>Счастье</i>	Мой питомец делает меня счастливым(ой)	0	1	2	3
5	<i>Близость</i>	Я считаю, что мой питомец — мой лучший друг	0	1	2	3
6	<i>Права</i>	Домашние животные заслуживают того же уважения, что и люди	0	1	2	3
7	<i>Эмпатия</i>	Мой питомец понимает меня	0	1	2	3
8	<i>Счастье</i>	Тот факт, что у меня есть питомец, добавляет мне счастья	0	1	2	3

Расчет и интерпретация результатов

Шкала ЛШПП-К состоит из восьми утверждений и включает в себя четыре субшкалы с возможностью расчета общего балла (общей привязанности); каждая субшкала включает в себя два утверждения (пункта). Названия шкал, полные и краткие: *Близость с питомцем (Близость)*, *Права питомцев (Права)*, *Эмпатия со стороны питомца (Эмпатия)*, *Источник счастья (Счастье)*. Для расчета результатов следует суммировать баллы по каждой субшкале; показатель общей привязанности представляет собой сумму оценок по всем пунктам. Результаты для каждой субшкалы находятся в диапазоне от 0 до 6, а для общего балла — от 0 до 24. Чем выше баллы, тем сильнее привязанность к животному.

Литература/References

1. *Гессе Г.* Степной волк. Игра в бисер. Рассказы и очерки. М.: АСТ, 2004. 749 с.
Gesse G. Stepnoi volk. Igra v biser. Rasskazy i ocherki [Steppenwolf. Bead Game. Stories and essays]. Moscow: ACT, 2004. 749 p. (In Russ.).
2. *Дерябо С.Д.* Феномен субъективизации природных объектов: дисс. ... докт. психол. наук. М., 2002. 365 с.
Deryabo S.D. Fenomen sub"ektivizatsii prirodnykh ob"ektov. Diss. dokt. psikhol. nauk. [The phenomenon of subjectification of natural objects. Dr. Sci. (Psychology) diss.]. Moscow, 2002. 365 p. (In Russ.).
3. *Швейцер А.* Проповеди о благоговении перед жизнью (Февраль 1919) // Этическая мысль. 2022. Т. 22. № 1. С. 89–99.
Shveitser A. Propovedi o blagogovenii pered zhizn'yu (Fevral' 1919) [Sermons on reverence for life (February 1919)]. *Eticheskaya mysl'* = *Ethical Thought*, 2022. Vol. 22, no. 1, pp. 89–99. (In Russ.).

4. *Ahmad M.H., Teo S.P.* Hoarding behaviour in a person with dementia // *Aging Commun.* 2022. Vol. 4. № 4. P. 21. DOI:10.53388/AGING202204021
5. *Beverland M.B., Farrelly F., Lim E.A.C.* Exploring the dark side of pet ownership: Status-and control-based pet consumption // *Journal of Business Research.* 2008. Vol. 61. № 5. P. 490–496. DOI:10.1016/j.jbusres.2006.08.009
6. *Bosacki S., Tardif-Williams C.Y., Roma R.P.S.* Children's and Adolescents' Pet Attachment, Empathy, and Compassionate Responding to Self and Others // *Adolescents.* 2022. Vol. 2. № 4. P. 493–507. DOI:10.3390/adolescents2040039
7. *Clayton S. et al.* Cross-cultural validation of a revised environmental identity scale // *Sustainability.* 2021. Vol. 13. № 4. P. 2387. DOI:10.3390/su13042387
8. *Culiberg B., Cho H., Kos Koklic M., Zabkar V.* From car use reduction to ride-sharing: The relevance of moral and environmental identity // *Journal of Consumer Behaviour.* 2022. DOI:10.1002/cb.2080
9. *Diebels K.J., Leary M.R.* The psychological implications of believing that everything is one // *The Journal of Positive Psychology.* 2019. Vol. 14. № 4. P. 463–473. DOI:10.1080/17439760.2018.1484939
10. *Fine A.H.* Handbook on animal-assisted therapy: Foundations and guidelines for animal-assisted interventions. Academic press, 2019. DOI:10.1016/C2017-0-03315-3
11. *Freeman C.P.* The human animal earthling identity: Shared values unifying human rights, animal rights, and environmental movements. University of Georgia Press, 2020.
12. *Hawkins R.D., Robinson C., Brodie Z.P.* Child–Dog Attachment, Emotion Regulation and Psychopathology: The Mediating Role of Positive and Negative Behaviours // *Behavioral Sciences.* 2022. Vol. 12. № 4. P. 109. DOI:10.3390/bs12040109
13. *Hawkins R.D., Williams J.M.* Scottish Society for the Prevention of Cruelty to Animals (Scottish SPCA). Childhood attachment to pets: Associations between pet attachment, attitudes to animals, compassion, and humane behaviour // *International journal of environmental research and public health.* 2017. Vol. 14. № 5. P. 490. DOI:10.3390/ijerph14050490
14. *Janoff-Bulman R., Carnes N.C.* Surveying the moral landscape: Moral motives and group-based moralities // *Personality and Social Psychology Review.* 2013. Vol. 17. № 3. P. 219–236. DOI:10.1177/1088868313480274
15. *Johnson T.P., Garrity T.F., Stallones L.* Psychometric evaluation of the Lexington attachment to pet scale (LAPS) // *Anthrozoös.* 1992. Vol. 5. № 3. P. 160–175. DOI:10.2752/089279392787011395
16. *Kanat-Maymon Y., Wolfson S., Cohen R., Roth G.* The benefits of giving as well as receiving need support in human–pet relations // *Journal of Happiness Studies.* 2021. Vol. 22. P. 1441–1457.
17. *Kellert S.R., Wilson E.O. (ed.).* The biophilia hypothesis. Island press, 1995. 496 p.
18. *Kovács K. et al.* Dog-owner attachment is associated with oxytocin receptor gene polymorphisms in both parties. A comparative study on Austrian and Hungarian border collies // *Frontiers in Psychology.* 2018. P. 435. DOI:10.3389/fpsyg.2018.00435
19. *le Roux M.C., Wright S.* The relationship between pet attachment, life satisfaction, and perceived stress: Results from a South African online survey // *Anthrozoös.* 2020. Vol. 33. № 3. P. 371–385. DOI:10.1080/08927936.2020.1746525
20. *Leary M.R., Tipsord J.M., Tate E.B.* Allo-inclusive identity: Incorporating the social and natural worlds into one's sense of self // *Transcending self-interest: Psychological explorations of the quiet ego.* 2008. P. 137–147. DOI:10.1037/11771-013
21. *Naess A.* Ecology, community and lifestyle, trans. David Rothenberg // CUP, Cambridge. 1989.
22. *Nartova-Bochaver S.K., Kuznetsova V.B.* Friendly home and inhabitants' morality: mutual relationships // *Frontiers in psychology.* 2018. Vol. 8. P. 2348. DOI:10.3389/fpsyg.2017.02348
23. *Nartova-Bochaver S., Muhortova E.* If people are attached to plants, do they love other people? Case of the Russian youth // *Behavioral Sciences.* 2020. Vol. 10. № 2. P. 40. DOI:10.3390/bs10020040
24. *Neldner K. et al.* The developmental origins of moral concern: An examination of moral boundary decision making throughout childhood // *PLoS One.* 2018. Vol. 13. № 5. P. e0197819. DOI:10.1371/journal.pone.0197819

25. *Patronek G.* Animal hoarding: a third dimension of animal abuse // International Handbook of Theory and Research on Animal Abuse and Cruelty. 2008. P. 221–246.
26. *Ramírez M.T.G., Quezada Berumen L.C., Hernández R.L.* Psychometric properties of the lexington attachment to pets scale: Mexican version (LAPS-M) // Anthrozoös. 2014. Vol. 27. № 3. P. 351–359. DOI:10.2752/175303714X13903827487926
27. *Reznichenko S.I., Nartova-Bochaver S.K., Irkhin B.D.* Do authentic people care about the environment? A view from two paradigms // Psychology in Russia: State of the Art. 2021. Vol. 14. № 3. P. 81–102.
28. *Schmitt M.T., Mackay C.M., Droogendyk L.M., Payne D.* What predicts environmental activism? The roles of identification with nature and politicized environmental identity // Journal of Environmental Psychology. 2019. Vol. 61. P. 20–29. DOI:10.1016/j.jenvp.2018.11.003
29. *Schwarzmueller-Erber G., Maier M., Kundi M.* Pet attachment and wellbeing of older-aged recreational horseback riders // International journal of environmental research and public health. 2020. Vol. 17. № 6. P. 1865. DOI:10.3390/ijerph17061865
30. *Wild D. et al.* Principles of good practice for the translation and cultural adaptation process for patient-reported outcomes (PRO) measures: report of the ISPOR task force for translation and cultural adaptation // Value in health. 2005. Vol. 8. № 2. P. 94–104. DOI:10.1111/j.1524-4733.2005.04054.x
31. *Zaparanick T.L.* A confirmatory factor analysis of the Lexington Attachment to Pets Scale. 2008. URL: https://trace.tennessee.edu/utk_graddiss/359 (Accessed 01.02.2023).

Информация об авторах

Нартова-Бочавер Софья Кимовна, доктор психологических наук, профессор департамента психологии, заведующая лабораторией психологии салютогенной среды, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8061-4154>, e-mail: snartovabochaver@hse.ru

Ларионов Павел, доктор социальных наук в области психологии, старший научный сотрудник лаборатории психологических тестов, факультет психологии, Университет Казимира Велико-го, г. Быдгощ, Польша, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4911-3984>, e-mail: pavel@ukw.edu.pl

Щерба Екатерина Константиновна, стажер-исследователь лаборатории психологии салютогенной среды, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9731-9664>, e-mail: ekscherba@edu.hse.ru

Information about the authors

Sofya K. Nartova-Bochaver, Doctor of Sci. in Psychology, Professor, Head of the Laboratory for the Psychology of Salutogenic Environment, Department of Psychology, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8061-4154>, e-mail: snartovabochaver@hse.ru

Pawel Larionow, PhD in Social Sciences (Psychology), Specialist of Psychological Tests Lab, Faculty of Psychology, Kazimierz Wielki University, Bydgoszcz, Poland, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4911-3984>, e-mail: pavel@ukw.edu.pl

Ekaterina K. Scherba, Intern Researcher at the Laboratory for the Psychology of Salutogenic Environment, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9731-9664>, e-mail: ekscherba@edu.hse.ru

Получена 13.02.2023

Received 13.02.2023

Принята в печать 30.01.2024

Accepted 30.01.2024